
В следующей жизни не находи меня

Елизавета ЛЕМКНИ

В следующей жизни не находи меня

«Автор»
2026

ЛЕМКНИ Е.

В следующей жизни не находи меня / Е. ЛЕМКНИ — «Автор», 2026

В девятнадцать я была уверена, что некоторые люди появляются в нашей жизни навсегда. В двадцать четыре поняла, что даже самые сильные чувства не гарантируют счастливого конца. А в двадцать девять совершила самую большую ошибку — решила, что на этот раз у нас обязательно получится.Матвей Соколов был моей первой любовью. Человеком, рядом с которым я впервые почувствовала себя по-настоящему нужной. И тем, кто дважды уходил из моей жизни, оставляя после себя вопросы, на которые я так и не получила ответов.

© ЛЕМКНИ Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Две чашки 5
Глава 2. Чужой шарф 16
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Елизавета ЛЕМКНИ
В следующей жизни не находи меня

Глава 1. Две чашки

Есть люди, которые уходят из нашей жизни громко.

Они хлопают дверями, разбивают посуду, произносят слова, которые невозможно забыть, и оставляют после себя такое количество разрушений, что какое-то время приходится буквально учиться передвигаться среди обломков. Их уход можно обозначить датой в календаре. До него была одна жизнь, после — другая. Между ними проходит чёткая граница, похожая на шрам.

Матвей уходил иначе. Он всегда делал это тихо. Настолько тихо, что я порой замечала его отсутствие значительно раньше, чем он действительно исчезал.

В то утро он мыл чашки.

Две белые керамические чашки, купленные нами прошлой осенью в небольшом магазине возле дома. Я помнила, как долго выбирала между ними и другими, с неровными голубыми краями, и как Матвей, устав от моего бессмысленного разглядывания одинаковой посуды, предложил купить обе пары.

— У нас всего четыре руки, — сказала тогда я.

— Зато впереди много утра.

Я улыбнулась.

Теперь мне казалось, что именно такие фразы и становятся самыми жестокими воспоминаниями. Не признания в любви, не обещания вечности, произнесённые в темноте, а совершенно обыденные слова, которым никто не придавал значения.

Впереди много утра.

Впереди действительно было много утра.

Просто не у нас.

Я сидела за кухонным столом, поджав под себя одну ногу. На мне была растянутая серая футболка, которую Матвей когда-то носил дома, а потом незаметно уступил мне. Из окна тянуло ноябрьским холодом. За стеклом медленно светлело, хотя солнца не было видно уже несколько дней. Небо казалось выцветшим, словно кто-то слишком долго держал его под водой.

На подоконнике стоял горшок с розмарином. Он почти засох.

Я купила его в июле, уверенная, что выращивать собственные травы — признак взрослой, устроенной жизни. Представляла, как буду срывать веточки для ужина, пока Матвей нарезает овощи, как наша кухня наполнится запахом чеснока и оливкового масла, как мы станем людьми, у которых всё получается само собой.

На деле розмарин несколько раз забывали полить, однажды залили настолько сильно, что земля покрылась белёсым налётом, а в сентябре Матвей предложил его выбросить.

Я не разрешила. Мне почему-то казалось, что если растение ещё можно спасти, то его нужно спасать. Даже когда уже совершенно непонятно зачем.

Вода шумела слишком громко.

Матвей стоял ко мне спиной. На нём были тёмные домашние брюки и чёрная футболка, выцветшая после многочисленных стирок. Волосы на затылке торчали в разные стороны. Я знала, что он не успел принять душ, потому что обычно после него тщательно приглаживал их мокрыми ладонями.

Я знала слишком много вещей о человеке, который через несколько часов перестанет со мной жить.

Знала, что он не любит горячий чай, но всегда заваривает его кипятком, а потом забывает на полчаса. Что в магазине обязательно берёт корзину, даже если заходит только за хлебом. Что во сне иногда разговаривает, причём произносит совершенно бессмысленные фразы с такой серьёзностью, будто участвует в чрезвычайно важном совещании. Знала, каким становится его лицо за секунду до смеха. И как он дышит, когда пытается не заплакать.

Я изучила этого человека лучше, чем собственное отражение, и всё равно не сумела понять, в какой именно момент мы начали терять друг друга.

Наверное, это было самым страшным. Не то, что он уходил. А то, что я не могла вспомнить, когда началось прощание.

Матвей выключил воду. Поставил первую чашку на сушилку. Потом вторую. Постоял несколько секунд, глядя на них, и вытер руки полотенцем.

— Я оставлю ключи на тумбочке, — сказал он.

Я кивнула. Не потому, что это было правильным ответом. Просто за последние сутки я обнаружила, что человеческое тело способно совершать привычные движения даже тогда, когда внутри него, кажется, ничего не осталось.

Кивать. Моргать. Дышать. Иногда даже улыбаться.

— Хорошо.

Слово получилось настолько ровным, что я сама удивилась.

Матвей повернулся ко мне.

Ему было тридцать. Совсем недавно исполнилось. Мы отмечали день рождения дома, потому что он не любил шумные компании. Я приготовила пасту с креветками, хотя терпеть не могла чистить морепродукты, а он открыл бутылку вина, которую нам подарили друзья.

В тот вечер он долго рассматривал меня через стол. Я спросила, что случилось. Он ответил:

— Ничего. Просто хорошо.

Мне вдруг захотелось вернуться в тот вечер.

Не изменить что-нибудь важное, не предупредить нас о будущем, не произнести спасительную фразу, после которой история повернула бы в другую сторону.

Просто вернуться. Посидеть ещё немного напротив него. Посмотреть, как свет от кухонной лампы ложится на его лицо. Не знать, что всё закончится.

— Ты завтракать будешь? — спросила я.

Матвей посмотрел на часы.

— Наверное, нет. Мне ещё вещи собрать.

Я снова кивнула.

В холодильнике лежали яйца, половина упаковки сыра и вчерашний хлеб. На средней полке стоял контейнер с супом, который мы сварили вместе в воскресенье. Матвей всегда добавлял слишком много картофеля, а я делала вид, что возмущаюсь. Потом съедала две тарелки.

Теперь мне предстояло решить, что делать с оставшимся супом.

Странно, как мало места занимает трагедия в обычной жизни.

Кто-то перестаёт тебя любить или, наоборот, продолжает любить, но больше не может оставаться рядом. Рушится будущее, которому ты посвятил годы. Исчезают привычки, планы, представления о себе.

А холодильник всё равно продолжает работать. Хлеб черствеет. Молоко портится. Нужно платить за электричество и выносить мусор.

Мир проявляет почти оскорбительное равнодушие к тому, что в какой-то отдельно взятой квартире два человека переживают конец собственной вселенной.

Я встала из-за стола.

— Я сделаю кофе.

— Алиса…

— Я себе.

Он замолчал.

Мне стало стыдно. Не за сказанное. За интонацию. За эту маленькую бессмысленную жестокость, которой я пользовалась последние недели, будто могла таким образом заранее отомстить ему за отсутствие.

Матвей никогда не любил кофе по утрам. Он предпочитал чай, обычно зелёный, без сахара. Но иногда я всё равно машинально доставала вторую кружку, прежде чем вспоминала об этом. Именно поэтому мы купили две одинаковые белые чашки. Не потому, что пили одно и то же. А потому, что мне нравилось видеть их рядом.

Я включила кофемашину. Она недовольно загудела, несколько раз щёлкнула и начала наполнять чашку тёмной жидкостью. По кухне распространился знакомый терпкий запах.

Когда-то я думала, что взрослость наступает в тот момент, когда начинаешь любить чёрный кофе. Потом мне казалось, что она приходит с первой серьёзной работой, собственными деньгами, оплаченной квартирой, умением самостоятельно записываться к врачу. Теперь я подозревала, что взрослеешь гораздо позже. Когда впервые понимаешь, что можешь любить человека и всё равно не выбирать жизнь с ним. И когда обнаруживаешь, что это знание ничуть не облегчает решение.

Матвей прошёл мимо меня в коридор.

Я слышала, как открывается шкаф, как скользят по деревянной перекладине вешалки, как он достаёт из верхнего отделения дорожную сумку. Мы купили её в аэропорту пять месяцев назад. Тогда у нашего чемодана сломалось колесо, и Матвей, раздражённый задержкой рейса, сказал, что больше никогда не будет доверять дешёвым вещам.

Он вообще часто произносил слово «никогда».

Никогда не куплю этот сыр. Никогда больше не поеду с пересадкой. Никогда не стану смотреть этот фильм второй раз.

И почти всегда нарушал собственные обещания. Кроме тех, которые мне хотелось бы услышать снова.

Я стояла у кофемашины и смотрела, как по внутренней стенке чашки стекает последняя капля.

Скажи что-нибудь.

Мысль возникла внезапно и настолько отчётливо, что мне показалось, будто её произнесли вслух.

Попроси его остаться.

Я могла.

В этом и заключалась вся несправедливость происходящего. Нас никто не разлучал. Между нами не стояли непреодолимые обстоятельства. Ни война, ни расстояние, ни чья-то смерть. У нас не было запретной любви, враждующих семей или обещаний, данных другим людям.

Мы жили в одной квартире. Работали. Покупали продукты. Платили за интернет. Любили друг друга. И всё-таки не могли больше оставаться вместе.

Я могла сейчас зайти в спальню, сесть рядом с открытой сумкой и сказать Матвею, что передумала.

Он, скорее всего, остановился бы.

Я почти не сомневалась в этом.

Он посмотрел бы на меня своим усталым, внимательным взглядом, осторожно убрал бы сложенную рубашку обратно в шкаф и спросил, уверена ли я.

А я сказала бы да. Потом мы обнялись бы. Возможно, заплакали. Возможно, даже занялись любовью, пытаясь убедить себя, что физическая близость способна заменить разговоры, которых у нас не случилось.

Через неделю всё стало бы почти привычным. Через месяц мы снова начали бы осторожно обходить темы, способные причинить боль. А через полгода я сидела бы за тем же столом и пыталась вспомнить, почему однажды уже позволила ему уйти.

Я знала эту историю. Мы проживали её слишком много раз, чтобы продолжать называть случайностью.

Накануне вечером мы не ссорились. Это тоже казалось неправильным.

В книгах расставания происходят после больших разговоров. Герои произносят обвинения, признаются в том, что скрывали годами, требуют объяснений, плачут, уходят под дождь.

Наш разговор начался с вопроса о зубной пасте. Матвей стоял в ванной, держа в руке почти пустой тюбик, и спрашивал, купила ли я новую. Я сидела на кровати с ноутбуком, проверяла рабочие правки и не сразу ответила. Он повторил вопрос. Я сказала, что забыла.

— Ладно, завтра куплю, — ответил он.

И почему-то именно в этот момент я почувствовала такую усталость, будто несколько лет подряд несла на спине тяжёлый чемодан, который никто не разрешал поставить на землю.

Проблема была не в пасте. Конечно, не в пасте. Проблема заключалась в том, что мы больше не могли разговаривать даже о самых простых вещах, не ощущая за ними чего-то другого.

Если я забывала купить продукты, мне казалось, что он воспринимает это как доказательство моей невнимательности. Если Матвей задерживался на работе, я слышала в его сообщениях нежелание возвращаться домой. Если кто-то из нас отвечал слишком коротко, другой начинал искать скрытое раздражение. Мы научились читать между строк настолько хорошо, что почти перестали замечать сами строки.

Матвей вышел из ванной. Сел на край кровати. Некоторое время мы молчали. А потом я закрыла ноутбук.

— Мы ведь больше не счастливы?

Он посмотрел на меня. Не удивлённо. Скорее так, будто долго ждал этого вопроса, но всё равно оказался к нему не готов.

— Не знаю, — сказал он.

Раньше я бы разозлилась. Потребовала определённости. Спросила, как можно не знать, счастлив ли ты с человеком, которого любишь. Но тогда его ответ показался мне самым искренним из всего, что мы говорили друг другу за последние месяцы.

Я тоже не знала. У нас были счастливые дни. Их было даже много. Мы смеялись над глупыми видео, засыпали в обнимку, спорили о том, какой фильм посмотреть вечером. Матвей по-прежнему убирал волосы с моего лица, когда я читала лёжа. Я всё ещё просыпалась раньше него и иногда подолгу смотрела, как он спит.

Но между этими моментами появилось что-то ещё. Осторожность. Страх сказать лишнее. Необходимость постоянно угадывать чужое настроение.

Порой я ловила себя на том, что чувствую облегчение, когда он задерживается на работе. А потом ненавидела себя за это чувство. Однажды я просидела двадцать минут в машине возле дома, потому что не хотела подниматься в квартиру. Я просто слушала музыку, смотрела на освещённые окна и пыталась заставить себя захотеть вернуться. Когда-то именно возвращение к Матвею было самой приятной частью моего дня.

Я не знала, когда это изменилось.

Он провёл ладонями по лицу.

— Я люблю тебя, Алис.

Я кивнула.

— Я знаю.

И действительно знала.

Наверное, если бы он разлюбил, всё было бы проще. Тогда у меня появилась бы причина злиться. Можно было бы ненавидеть его, обвинять, рассказывать подругам, что он оказался не тем человеком, за которого себя выдавал. Можно было бы поставить точку и считать себя пострадавшей стороной.

Но Матвей любил меня. И я любила его. Только любовь почему-то стала напоминать комнату, в которой постепенно заканчивался воздух. Мы оба продолжали находиться внутри, потому что боялись выйти.

— Может, нам стоит пожить отдельно? — спросил он.

Я помню, как посмотрела на его руки. На правой, возле большого пальца, оставался маленький шрам. Он получил его много лет назад, когда пытался открыть консервную банку ножом. Мне было девятнадцать. Я тогда испугалась крови сильнее него, заставила обработать рану и несколько дней проверяла, не началось ли воспаление.

Матвей смеялся. Говорил, что я собираюсь состариться раньше времени, если буду переживать из-за каждой царапины.

Я почему-то вспомнила это именно тогда. Не нашу первую встречу. Не первый поцелуй. А его глупую порезанную руку.

— Мы уже пробовали, — ответила я.

— Тогда, может, попробуем по-другому.

— Как?

Он не ответил. И я вдруг поняла, что устала не от него. Я устала от надежды. От необходимости снова и снова искать способ сохранить то, что когда-то существовало без всяких усилий. Возможно, это было несправедливо. Возможно, все отношения требуют работы, а моя вера в естественность любви была всего лишь детским представлением о счастье. Но я больше не хотела каждое утро просыпаться с ощущением, что мне предстоит очередной экзамен.

Люблю ли я достаточно правильно? Достаточно ли терпелива? Не слишком ли много требую? Не слишком ли мало отдаю? И почему рядом с человеком, который знает меня лучше всех, я всё чаще чувствую себя совершенно одинокой?

— Матвей, — сказала я, — мне кажется, нам нужно закончить.

Он долго смотрел на меня.

Я ожидала возражений. Может быть, даже надеялась на них. Но он только опустил голову.

— Я тоже об этом думал.

И вот тогда мне стало по-настоящему больно. Потому что даже в тот момент, когда я сама предложила расстаться, какая-то маленькая, нелепая часть меня всё ещё верила, что он не согласится. Что скажет нет. Что выберет нас.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, насколько жестоко было ожидать от него этого.

Я хотела свободы от нашей боли. И одновременно хотела, чтобы он отказался меня отпускать. Наверное, именно поэтому мы так долго не могли расстаться. Каждый из нас надеялся, что окончательное решение примет другой.

Когда я вернулась в спальню, дорожная сумка лежала на кровати. Матвей аккуратно складывал одежду. Рядом стояла коробка с книгами. Я узнала несколько из них: сборник рассказов, который подарила ему на двадцать пятый день рождения, старое издание Достоевского с потрёпанным корешком и небольшой альбом об архитектуре европейских городов.

Верхняя полка шкафа почти опустела.

Я почему-то никогда не замечала, сколько места занимали его вещи. Теперь пустота казалась неестественной. Будто кто-то вынул из комнаты часть стены.

— Тебе помочь? — спросила я.

Он поднял голову.

— Не надо. Почти закончил.

Я прислонилась к дверному косяку.

На комоде лежали его часы.

Я подарила их два года назад, когда мы ещё не жили вместе, но уже проводили друг у друга почти все выходные. Я тогда долго копила деньги и выбирала модель, которая подходила бы к его обычной одежде. Хотела, чтобы вещь была полезной. Чтобы он носил её каждый день. Он носил. Даже сейчас. Только на ночь всегда снимал и аккуратно клал циферблатом вверх.

— Часы не забудь.

Матвей обернулся. Посмотрел на комод.

— Спасибо.

Я вдруг вспомнила, как в девятнадцать лет он однажды оставил у меня шарф. Самый обычный тёмно-синий шарф, немного колючий, с неровной строчкой возле края. Я тогда спрятала его в шкаф, хотя могла вернуть уже на следующий день. Не потому, что хотела украсть. Просто мне нравилось знать, что в моей комнате есть что-то, принадлежащее ему. Что он обязательно вернётся за своей вещью. Как будто человеку нужна причина, чтобы прийти к тому, кого он любит.

Спустя десять лет я стояла в дверях нашей общей спальни и следила за тем, чтобы он ничего не забыл. Мне казалось, что в этом заключалась какая-то чудовищная ирония. Раньше я собирала доказательства его присутствия. Теперь помогала уничтожить их.

Матвей закрыл сумку. Молния заела возле самого края. Он потянул сильнее, но ткань попала между зубцами, и пришлось открыть её обратно.

Я наблюдала за его движениями с почти болезненным вниманием. За тем, как он нахмурился. Как провёл большим пальцем по металлическому бегунку. Как тихо выдохнул, когда молния наконец поддалась.

Мне хотелось запомнить его именно таким. Не красивым, не героическим, не похожим на мужчину из моих юношеских фантазий.

Просто настоящим.

Немного раздражённым из-за сумки. С небритым подбородком. В футболке, которую давно пора выбросить. Человеком, с которым я прожила самое счастливое и самое трудное время своей жизни.

— Алиса.

Я подняла глаза.

— Что?

Он помедлил.

— Ты уверена?

Я могла бы солгать. Сказать, что абсолютно уверена. Что всё давно решено и ничего больше не изменится. Но правда заключалась в том, что я не была уверена ни в чём.

Не знала, смогу ли уснуть одна. Не знала, как буду возвращаться в квартиру, где больше не окажется его обуви в коридоре. Не знала, захочу ли когда-нибудь снова полюбить кого-то настолько сильно. И особенно не знала, не совершаю ли сейчас самую большую ошибку в собственной жизни.

— Нет, — ответила я.

Матвей едва заметно вздрогнул. Я посмотрела на него.

— Но я уверена, что больше не могу так.

Он медленно кивнул.

Наверное, это был первый разговор за долгое время, в котором мы действительно услышали друг друга. И последний, когда от этого ещё могло что-то зависеть.

К полудню квартира стала другой. Не физически.

Здесь всё ещё стояли те же шкафы, диван, стол, стулья. На стене висела репродукция картины, которую мы купили на блошином рынке. На холодильнике оставались магнитики из поездок. В ванной лежали два полотенца.

Но пространство изменилось.

Я не знала, как объяснить это ощущение.

Будто дом, который ещё вчера принадлежал двум людям, теперь не понимал, кого должен впустить.

Матвей вынес первую коробку к двери. Потом вторую. Попросил разрешения оставить часть книг до выходных. Я согласилась. Мы разговаривали так, словно обсуждали обычный переезд. В какой-то момент даже начали спорить о том, кому принадлежит маленькая настольная лампа.

— Ты её покупала, — сказал он.

— Но выбирал ты.

— Это не делает её моей.

— Она тебе нужнее. У тебя же нет нормального света возле кровати.

Матвей посмотрел на меня. И вдруг улыбнулся. Совсем немного. Я тоже.

Несколько секунд мы стояли посреди спальни и улыбались друг другу, обсуждая нелепую лампу. А потом я поняла, что это, возможно, последний раз, когда мы смеёмся вместе в нашем доме.

Улыбка исчезла.

Я отвернулась первой. Мне хотелось попросить его не смотреть на меня. Не потому, что его взгляд был неприятным. Наоборот. Слишком знакомым. Слишком родным.

Я боялась, что ещё немного и всё, на что мне хватило сил за последние сутки, рассыплется от одного его прикосновения.

Матвей отнёс лампу в коридор. Я пошла на кухню. Розмарин стоял на подоконнике, склонив сухие ветки к стеклу. Я налила в стакан воды и осторожно полила землю. Она почти не впитывала влагу. Вода собиралась на поверхности, затем медленно уходила в трещины между высохшими комьями. Я почему-то продолжала стоять рядом, хотя ничего больше не требовалось. Мне казалось, что если достаточно долго наблюдать, можно увидеть, как растение оживает. Как его ветки снова становятся зелёными. Как листья расправляются. Как всё возвращается к тому состоянию, в котором было когда-то.

Но ничего не происходило.

Снаружи начал накрапывать дождь. Мелкий, почти незаметный. На стекле появились прозрачные дорожки.

В девятнадцать лет я ненавидела дождь. Мне казалось, что он портит планы, причёску, обувь и настроение. Я раздражалась, если приходилось выходить без зонта, и жаловалась Матвею на холодные руки. Он всегда говорил, что дождь — просто погода. Не хорошая. Не плохая. И уж точно не личное оскорбление.

Однажды мы попали под такой сильный ливень, что пришлось спрятаться под козырьком закрытого магазина. Мы были совершенно мокрыми.

Я дрожала. Матвей снял куртку и попытался укрыть ею нас обоих. Это было бессмысленно, потому что ткань уже насквозь промокла, но он всё равно прижал меня к себе. Я помню запах мокрого асфальта. Помню свет фар, отражавшийся в лужах. Помню его подбородок возле моего виска. И совершенно точно помню, как подумала тогда:

Если рядом со мной будет этот человек, я смогу пережить что угодно.

Девятнадцатилетняя я была удивительно самоуверенной. Она не знала, что иногда самое трудное — пережить не беду, а обычную жизнь. Ту, в которой никто не виноват окончательно. Где любовь не исчезает в один день, а постепенно обрастает усталостью, недосказанностью и маленькими разочарованиями. Где человек может обнять тебя перед сном и всё равно не

суметь дать тебе то, в чём ты нуждаешься. Где ты можешь быть благодарна ему за тысячи прекрасных моментов и одновременно понимать, что больше не хочешь продолжения.

Я провела пальцем по влажному стеклу. За окном женщина в красной куртке торопливо переходила дорогу, прижимая к груди бумажный пакет. Её жизнь продолжалась. Моя тоже. Просто я пока не представляла каким образом.

Матвей вышел в коридор около часа. Он надел пальто, проверил карманы и взял ключи от машины.

Я стояла возле двери.

На тумбочке лежала связка домашних ключей с маленьким металлическим брелоком в форме дома. Я подарила ему этот брелок в день, когда мы начали жить вместе. Он тогда посмотрел на него, повертел в пальцах и сказал:

— Теперь официально?

— Теперь официально.

Мне вспомнилось, как мы вносили коробки, смеялись, ругались из-за расстановки мебели, ели пиццу прямо на полу, потому что стол ещё не собрали. Как я впервые открыла утром глаза и увидела, что Матвей спит рядом, не собираясь уходить домой. Тогда мне казалось, что счастье имеет вполне определённую форму.

Два человека.

Одна квартира.

Общее утро.

Я не понимала, насколько сложнее устроена жизнь.

Матвей положил ключи на тумбочку. Металл тихо звякнул о дерево. Удивительно маленький звук для чего-то настолько окончательного.

— Я заберу остальные вещи в субботу, если ты не против.

— Конечно.

Он кивнул. Потом посмотрел на меня так, словно собирался что-то сказать.

Я ждала.

И в этот момент между нами вдруг возникли все наши возраста.

Девятнадцать.

Двадцать четыре.

Двадцать девять.

Три разных версии одного и того же человека.

Мальчик, который однажды поцеловал меня возле автобусной остановки и так сильно волновался, что случайно задел носом мою щёку.

Мужчина, которого я встретила спустя пять лет и узнала по походке раньше, чем увидела лицо.

И человек, стоявший сейчас напротив меня с дорожной сумкой в руке.

Я любила их всех. По-разному. Иногда неправильно. Иногда отчаянно. Но всегда по-настоящему.

Матвей поставил сумку на пол.

— Можно тебя обнять?

От этого вопроса мне захотелось заплакать сильнее, чем от всего, что произошло за последние сутки.

Раньше он никогда не спрашивал разрешения. Просто подходил, обнимал меня сзади, утыкался носом в волосы, целовал в плечо. Теперь между нами появилась невидимая граница. И он осторожно попросил позволения её пересечь.

Я кивнула.

Матвей обнял меня.

Его пальто было холодным. От воротника пахло знакомым парфюмом, от кожи — мылом и чем-то ещё, чему я никогда не могла подобрать название. Запах дома. Я прижалась лицом к его груди. Он положил ладонь мне на затылок. И всё внутри меня сжалось от простого, почти животного желания остаться в этом положении.

Не решать.

Не взрослеть.

Не отпускать.

Пусть жизнь продолжается где-нибудь за пределами прихожей. Пусть звонят телефоны, падают самолёты, рождаются дети, заканчиваются войны. Пусть мир делает всё, что считает необходимым. Только бы нам позволили постоять ещё немного.

Я чувствовала, как бьётся его сердце. Оно не знало, что мы расстаёмся. Продолжало работать, как всегда. Так же равнодушно, как холодильник на кухне. Как часы на стене. Как дождь за окном.

— Прости меня, — прошептал Матвей.

Я закрыла глаза.

Это были слова, которых я ждала слишком долго. Когда-то мне казалось, что если он наконец произнесёт их, то всё изменится. Будто прощение — это дверь, за которой обязательно должно находиться счастье.

Но теперь я понимала, что иногда человек может искренне раскаиваться, а ты можешь искренне его простить, и всё равно ничего нельзя будет вернуть. Потому что прошлое не исчезает от того, что его признали ошибкой. Оно остаётся внутри нас. Меняет привычки. Формирует страхи. Заставляет вздрагивать от совершенно обычных слов.

Я подняла голову.

— Я тоже, Матвей.

Он посмотрел на меня. В его глазах стояли слёзы.

Я редко видела его плачущим. Всего несколько раз за десять лет. И каждый раз мне казалось, что это зрелище разрушает что-то внутри меня сильнее собственных слёз.

Мне хотелось утешить его. Сказать, что всё будет хорошо. Что он встретит кого-нибудь, кто сумеет любить его проще. Кто не будет болезненно реагировать на молчание. Кто сможет принимать его осторожность за заботу, а не за отвержение. Но я вдруг поняла, насколько несправедливо было бы говорить ему это сейчас.

Я не знала, кого он встретит. Не знала, будет ли счастлив. И не имела права обещать ему будущее, которого сама не могла представить.

Поэтому я просто провела ладонью по его щеке. Матвей наклонился и поцеловал меня в лоб. Осторожно. Почти невесомо. И от этой нежности мне захотелось закричать. Потому что мы всё ещё умели любить друг друга в мелочах. Умели угадывать движения. Умели находить нужное прикосновение. Мы просто совершенно разучились жить вместе.

Он отступил. Взял сумку.

Я открыла дверь.

На лестничной площадке было прохладно. Откуда-то снизу доносились голоса соседей. Кто-то смеялся. На первом этаже хлопнула входная дверь.

Матвей переступил порог. Остановился. Обернулся. И я увидела в его лице знакомое выражение. Он хотел что-то сказать.

Возможно, попросить ещё один шанс. Возможно, напомнить, что любит меня. Или просто пожелать хорошего дня, как делал каждое утро перед работой.

Я не узнала. Потому что он снова промолчал. А я впервые не стала пытаться догадаться.

— Пока, Алис.

— Пока, Матвей.

Он пошёл к лестнице. Я слушала его шаги. Каждый удар подошвы о ступеньку казался отдельным маленьким прощанием. Потом на площадке стало тихо. Я продолжала стоять в дверях.

Мне хотелось запомнить этот момент, потому что я знала: однажды память обязательно начнёт его изменять. Возможно, через год я буду уверена, что он обернулся дважды. Через пять — что сказал что-то особенно важное. Через десять — что мы расстались красиво, почти благородно, сохранив друг о друге исключительно светлые воспоминания.

Но сейчас всё было гораздо проще. Он ушёл. А я осталась.

Я закрыла дверь. Не сразу. Сначала дождалась, пока внизу хлопнет подъездная дверь. Потом медленно повернула ручку и прижала полотно к косяку. Щёлкнул замок. И только тогда я поняла, что с самого утра почти не дышала полной грудью.

Я прислонилась лбом к двери. Закрыла глаза. Ждала слёз. Но они не приходили. Вместо них возникла странная пустота, настолько огромная, что я на несколько секунд перестала чувствовать собственное тело. Словно меня вынули из привычной жизни и поставили в совершенно незнакомое помещение, где всё выглядело правильно, но больше не имело никакого значения.

Я вернулась на кухню. На сушилке стояли две белые чашки. Матвей поставил их рядом, ручками в одну сторону. Он всегда так делал.

Я взяла одну. Потом вторую. Хотела убрать в шкаф, но почему-то не смогла.

Оставила на столе. Села напротив.

За окном дождь усилился. На подоконнике стоял почти мёртвый розмарин. В холодильнике оставался суп. В спальне лежали забытые им носки. А на тумбочке возле входной двери — ключи от нашей квартиры.

Я смотрела на две чашки и думала о том, как странно устроена человеческая память. Она хранит лица людей, которые давно исчезли из нашей жизни. Помнит запахи, интонации, случайные прикосновения. Способна вернуть целое лето из одного обрывка мелодии. Но совершенно не умеет предупреждать нас о последних моментах.

Никто не говорит, что сегодня вы в последний раз заснёте рядом. Что завтра он в последний раз попросит передать соль. Что однажды вы случайно рассмеётесь над какой-нибудь глупостью, и это окажется последним совместным смехом. Мы узнаём о таких вещах только потом. Когда уже невозможно ничего изменить.

Я коснулась края его чашки. Она была холодной. И почему-то именно тогда, глядя на две совершенно одинаковые белые чашки, я наконец заплакала.

Не громко. Без рыданий. Слёзы просто потекли по лицу, и я не стала их вытирать.

Мне было двадцать девять лет. Я любила мужчину, с которым больше не собиралась жить. И впервые за десять лет совершенно не представляла, кем стану без него.

Когда-то я думала, что самое страшное — потерять любимого человека. Теперь понимала, что существует нечто гораздо более мучительное. Потерять того, кого продолжаешь любить. И знать, что на этот раз никто не совершил ошибки.

Мы просто сделали выбор. Правильный, наверное. Необходимый. Взрослый. От этого он не становился менее жестоким.

Я посмотрела на пустой стул напротив. И вдруг вспомнила первое утро, когда Матвей сидел на этом месте. Тогда у нас ещё не было белых чашек. Не было общей квартиры. Не было десяти лет воспоминаний, которые теперь предстояло научиться носить внутри себя. Были только мы. Два совершенно незнакомых человека, которым почему-то показалось, что они способны сделать друг друга счастливыми.

Я не знала, как жить дальше. Но точно знала, с чего началась вся эта история.

С одного дождливого вечера.

С опоздавшего автобуса.

С чужого тёмно-синего шарфа.

И с мальчика, который посмотрел на меня так, словно уже тогда знал, что однажды разобьёт мне сердце. Хотя, наверное, он тоже просто хотел быть любимым.

Это был третий раз, когда Матвей уходил из моей жизни. И первый, когда я сама открыла ему дверь.

Глава 2. Чужой шарф

В девятнадцать лет я была уверена, что умею отличать важные события от незначительных.

Важные обязательно должны были сопровождаться чем-то особенным. Неожиданным телефонным звонком, долгим разговором, после которого невозможно уснуть, или хотя бы странным предчувствием, возникающим где-то под рёбрами. Мне казалось, что жизнь обязана предупреждать нас о моментах, которые однажды изменят всё.

Например, немного замедлять время. Или заставлять сердце биться чаще без видимой причины. В крайнем случае — посылать какой-нибудь знак.

Но в тот вечер не произошло ничего подобного. Я просто опоздала на автобус.

Шёл октябрь. Не тот красивый, золотой октябрь, который принято фотографировать и описывать в стихах, а сырой, неуютный, с почерневшими листьями под ногами и холодом, который пробирается под одежду независимо от количества надетых свитеров.

Мне было девятнадцать, я училась на втором курсе филологического факультета и совершенно не представляла, что собираюсь делать со своей жизнью.

В детстве я хотела стать писательницей. Потом журналисткой. Потом переводчицей. Ещё некоторое время всерьёз размышляла о работе в книжном издательстве, хотя имела довольно смутное представление о том, чем там вообще занимаются люди.

Мама говорила, что мне нужно выбрать что-нибудь более надёжное. Я соглашалась. А потом снова проводила вечера за чтением книг, которые не входили ни в одну университетскую программу.

В тот день у нас было три пары. Последнюю я едва пережила: преподаватель рассуждал об особенностях литературного языка настолько монотонно, что мне начало казаться, будто человеческая речь изначально была придумана исключительно для того, чтобы кого-нибудь усыплять.

После занятий Соня уговорила меня зайти в торговый центр. Ей срочно понадобились новые ботинки. Мне — ничего. Но я пошла, потому что в девятнадцать лет ещё не умела отказывать людям в просьбах, даже если они произносились в форме предложения.

Мы провели почти два часа в магазине, где Соня примерила, кажется, всю обувь своего размера, а потом купила первую пару, которую показала мне ещё у входа. Я сказала, что ненавижу её. Она ответила, что тоже меня любит. После этого мы выпили кофе, обсудили нескольких одногруппников, поспорили о преподавателе зарубежной литературы и расстались возле остановки.

Соня поехала домой. А я осталась ждать автобус, который, согласно расписанию, должен был прийти через четыре минуты. Через десять минут начался дождь. Через пятнадцать я обнаружила, что заряд телефона опустился до двух процентов. Через двадцать поняла, что оставила зонт в университетской аудитории. А ещё через пять мой автобус наконец появился на перекрёстке, но даже не попытался остановиться.

Он просто проехал мимо.

Я стояла под козырьком закрытого цветочного магазина и смотрела ему вслед. Наверное, именно тогда мне следовало заплакать. Или рассмеяться. Или хотя бы произнести что-нибудь достойное человека, способного осознавать абсурдность происходящего.

Вместо этого я сказала:

— Да вы издеваетесь.

Причём достаточно громко.

— Думаю, он тебя не услышал.

Голос раздался справа. Я обернулась. Возле стены стоял парень. Высокий, худощавый, в тёмной куртке с поднятым воротником. Волосы у него были почти чёрными и слегка влажными от дождя. В одной руке он держал бумажный стаканчик, в другой — телефон с разбитым углом экрана.

Я была настолько занята собственным несчастьем, что даже не заметила, когда он появился.

— Очень смешно, — ответила я.

— Я не шутил. Правда думаю, что водитель тебя не услышал.

Я посмотрела на него внимательнее. Он улыбался. Не широко, не нагло, не так, как обычно улыбаются парни, решившие познакомиться с девушкой на улице. Скорее немного виновато. Будто сам понимал, что выбрал не самый подходящий момент.

— Спасибо за поддержку.

— Всегда пожалуйста.

Я отвернулась. Разумеется, это должно было стать концом разговора. Я не любила знакомства с незнакомцами. Особенно с теми, кто считал своим долгом комментировать мои неудачи. К тому же у меня замёрзли руки, промокли ботинки, телефон практически умер, а до дома оставалось не меньше сорока минут.

Мир в тот вечер не располагал к романтике. Но парень не ушёл. И через некоторое время я почувствовала, что он смотрит на меня.

— Что? — спросила я, не выдержав.

— Ничего.

— Тогда почему смотришь?

Он немного помедлил.

— Думаю, ты сейчас либо начнёшь плакать, либо ударишь остановку.

Я медленно повернула голову.

— А третий вариант?

— Ударишь меня.

Я не собиралась смеяться. Правда. Это произошло совершенно неожиданно. Сначала я только выдохнула через нос, потом попыталась сохранить серьёзное выражение лица, но он посмотрел на меня с такой осторожной надеждой, что я всё-таки рассмеялась.

Громко. Неловко. Слишком искренне для человека, которого видела впервые.

Парень улыбнулся в ответ. И на несколько секунд дождь перестал казаться настолько отвратительным.

Позже я много раз пыталась вспомнить, что именно заметила в Матвее первым.

Внешность? Возможно. Он был красив, хотя тогда я вряд ли смогла бы объяснить, что именно делало его лицо привлекательным. У него были тёмные глаза, прямой нос, чуть заметная асимметрия губ и привычка слегка наклонять голову, когда он внимательно слушал собеседника.

Но красивых людей я встречала и раньше. Некоторые из них даже пытались со мной познакомиться. И всё же я не помнила их голосов спустя десять лет.

А голос Матвея запомнила. Низкий, немного хриплый, с мягкими окончаниями слов. Он разговаривал негромко, словно не хотел занимать собой слишком много пространства.

Мне нравились такие люди. Те, рядом с которыми не нужно постоянно искать возможность вставить слово. Хотя, если бы кто-нибудь спросил меня в тот вечер, я бы наверняка сказала, что парень кажется странным.

Он продолжал стоять рядом, периодически поглядывая на дорогу.

Дождь усиливался. Ветер задувал под козырёк, и несколько холодных капель попали мне за воротник.

Я вздрогнула.

— Холодно? — спросил он.

— Нет, я просто так дрожу. Для красоты.

Он усмехнулся. Потом поставил стаканчик на узкий выступ возле стены и начал разматывать шарф. Тёмно-синий. Шерстяной. Не особенно красивый. На одном конце торчала нитка, а возле края виднелась неровная строчка, будто кто-то однажды пытался его починить.

— Держи.

Я посмотрела на протянутую вещь.

— Зачем?

— Ты замёрзла.

— А ты?

— Я пока нет.

Мне стало неловко.

Я вообще плохо принимала заботу от незнакомых людей. В ней всегда чудилась какая-то скрытая обязанность. Будто если кто-нибудь сделал для меня что-то хорошее, я непременно должна была ответить тем же, желательно немедленно.

Мама с детства повторяла, что нельзя быть неблагодарной. Поэтому я часто предпочитала обходиться без чужой помощи.

— Спасибо, не надо.

— Хорошо.

Он не стал настаивать. Просто опустил руку и некоторое время смотрел на шарф, словно пытался вспомнить, зачем вообще его снял. Потом снова протянул.

— А если я скажу, что он мне не нравится?

Я нахмурилась.

— Что?

— Шарф. Ужасный. Колючий. Вообще не понимаю, зачем купил.

Я посмотрела на него.

— Тогда зачем носишь?

— Привязался.

И вот почему-то именно эта глупая фраза окончательно разрушила моё недоверие. Я взяла шарф. Он оказался тёплым. И совсем не таким колючим, как обещал владелец. От ткани пахло холодным воздухом, стиральным порошком и чем-то едва уловимым, немного древесным.

Я обмотала его вокруг шеи. Концы оказались слишком длинными. Один я заправила под куртку, второй оставила спереди.

Парень посмотрел на меня и удовлетворённо кивнул.

— Теперь ты выглядишь как человек, который не собирается умереть на остановке.

— А до этого?

— Были сомнения.

Я снова рассмеялась. Позже я буду вспоминать этот момент с почти болезненной нежностью. Потому что именно тогда, совершенно незаметно для себя, впервые почувствовала рядом с ним спокойствие.

Не влюблённость. Не желание прикоснуться. Даже не особенный интерес. Просто странную, непривычную лёгкость.

Существуют люди, рядом с которыми ты сразу начинаешь следить за собой. За голосом. За выражением лица. За тем, как стоишь, куда смотришь и достаточно ли интересно отвечаешь.

С Матвеем всё было иначе. Я уже успела показать себя раздражительной, язвительной и совершенно неспособной справиться с обычным опозданием автобуса. И почему-то это не имело значения.

— Ты здесь живёшь? — спросил он через несколько минут.

— Нет, просто коллекционирую остановки.

Он улыбнулся.

— Понятно. Извини.

Мне стало стыдно. Я вдруг поняла, что он не сделал ничего плохого. Всего лишь попытался поддержать разговор. А я вела себя так, будто защищалась от нападения.

— Да, — сказала я. — Живу недалеко от конечной. А ты?

— Мне в другую сторону.

— Тогда почему ты здесь?

— Тоже жду автобус.

Я посмотрела на дорогу.

— И давно?

— Минут сорок.

— Сорок?!

— Угу.

— Почему не уехал?

Матвей пожал плечами.

— Сначала думал, что вот-вот приедет. Потом стало интересно, насколько всё плохо.

Я засмеялась.

— И как?

— Пока хуже, чем ожидал.

Мы разговорились. Сначала о транспорте, потом о городе, потом совершенно неожиданно об университете. Оказалось, что Матвей учится на архитектурном. На третьем курсе. Ему недавно исполнилось двадцать. Он снимал небольшую комнату вместе с другом и подрабатывал, делая чертежи для знакомого проектировщика. Я сказала, что архитектура кажется мне чем-то невероятно сложным. Он ответил, что филология выглядит ещё страшнее.

— Там же нужно постоянно читать?

— Да.

— Ужас.

— А тебе нужно постоянно считать.

— Тоже ужас.

Мы посмотрели друг на друга. И снова рассмеялись.

Я не помню, сколько продолжался тот разговор. Возможно, полчаса. Возможно, меньше.

Воспоминания вообще довольно плохо обращаются со временем. Иногда они превращают несколько секунд в целую вечность, а месяцы, наполненные событиями, сжимают до одного неясного впечатления. Но я совершенно точно помню, что постепенно перестала смотреть на дорогу.

Автобус всё ещё не приходил. Телефон выключился. Ноги мёрзли. А мне впервые за весь вечер стало совершенно неважно, когда я доберусь домой.

Матвей рассказывал о преподавателе, который однажды заставил их переделывать проект четыре раза из-за неправильно расположенной лестницы. Я слушала. Иногда перебивала. Задавала вопросы, которые наверняка казались ему глупыми. Он отвечал серьёзно. Не снисходительно. Не так, как люди обычно объясняют что-то человеку, который ничего не понимает в их профессии. Он говорил со мной как с равной. И это почему-то нравилось мне сильнее, чем комплименты.

В какой-то момент я спросила:

— А почему ты выбрал архитектуру?

Матвей задумался. Не сразу ответил. Посмотрел на мокрый асфальт, по которому медленно проползала машина.

— Мне нравится думать, что люди могут быть счастливы в местах, которые кто-то для них придумал.

Я почему-то замолчала. Он смутился.

— Звучит пафосно, да?

— Нет.

— Обычно говорю, что люблю рисовать.

— А на самом деле?

Он повернулся ко мне.

— На самом деле хочу построить что-нибудь, куда людям будет приятно возвращаться.

Я не знала, что ответить. В девятнадцать лет мне казалось, что большинство людей стремится к чему-то большому. Известности. Деньгам. Признанию. Возможности доказать миру собственную значимость.

Матвей говорил о том, чтобы кому-нибудь было приятно возвращаться домой. Почему-то это показалось мне невероятно красивым. И немного грустным.

Я не спросила, был ли у него самого такой дом. Тогда я ещё не умела замечать вопросы, которые люди прячут внутри совершенно обычных фраз.

Когда автобус наконец появился, дождь уже начал превращаться в мокрый снег. Я увидела фары в конце улицы и неожиданно почувствовала разочарование. Оно было настолько нелепым, что я попыталась сразу его подавить. Разумеется, я хотела домой. Хотела сухие носки, горячий душ, тёплую постель. Но почему-то совсем не хотела заканчивать разговор.

— Твой? — спросил Матвей.

Я посмотрела на номер.

— Да.

Он кивнул.

— Тогда тебе повезло.

— Судя по сегодняшнему вечеру, это спорное утверждение.

Автобус остановился возле тротуара. Двери открылись с громким шипением. Несколько человек вышли, торопливо пряча лица от ветра.

Я сделала шаг вперёд. Потом остановилась. Повернулась к Матвею.

— Шарф.

Я потянулась к узлу. Он покачал головой.

— Потом отдашь.

Я замерла.

— Когда потом?

Он улыбнулся. И я впервые заметила, что при улыбке у него возле правого глаза появляется маленькая складка.

— Когда-нибудь.

Я посмотрела на него с подозрением.

— Это очень ненадёжный способ возвращать вещи.

— Согласен.

— А если я его украду?

— Тогда буду знать, что потерял шарф из-за красивой девушки.

Я почувствовала, как лицо начинает гореть. Это было ужасно. Абсолютно неприемлемо. Я умела спокойно обсуждать сложные литературные произведения, спорить с преподавателями, делать доклады перед группой. Но один незнакомый парень назвал меня красивой — и вся моя способность к связной речи куда-то исчезла.

— Ну… — произнесла я.

Матвей опустил глаза, словно и сам немного испугался собственной смелости.

— Извини. Неудачно получилось?

— Нет.

Автобус раздражённо зашипел. Водитель смотрел на нас через стекло. Я вдруг поняла, что двери вот-вот закроются.

— Мне надо…

— Да, конечно.

Я поднялась на первую ступеньку. Потом неожиданно обернулась.

— А как тебя зовут?

Он рассмеялся. Наверное, от облегчения. Наверное, от абсурдности того, что мы столько времени разговаривали и ни разу не представились.

— Матвей.

— Алиса.

— Приятно познакомиться, Алиса.

Я улыбнулась.

— Взаимно.

Двери начали закрываться. Я едва успела отойти от края. Автобус тронулся. Через мокрое стекло я увидела, как Матвей остался стоять под козырьком. Он поднял руку. Я тоже. И только когда остановка скрылась за поворотом, поняла, что не знаю ни его фамилии, ни номера телефона, ни даже названия университета, в котором он учится.

У меня остался только чужой шарф. И имя. Матвей. Я несколько раз повторила его про себя. Не потому, что боялась забыть. Просто мне нравилось, как оно звучит.

Дома мама встретила меня недовольным взглядом. В то время мы жили вдвоём в небольшой двухкомнатной квартире. Отец работал в другом городе и возвращался на выходные, иногда реже.

Мама считала, что к девятнадцати годам я должна была стать достаточно самостоятельной, чтобы не попадать в неприятности, но при этом недостаточно взрослой, чтобы иметь право не сообщать ей о каждом своём передвижении. Это противоречие сопровождало практически все наши разговоры.

— Где ты была?

Я сняла мокрую куртку.

— С Соней.

— До десяти вечера?

— Автобус долго не приходил.

Мама вздохнула. Не громко. Но с той особенной выразительностью, которой обладают люди, годами тренирующие способность сообщать о своём разочаровании без единого слова.

— Телефон почему выключен?

— Разрядился.

— А зарядить заранее нельзя было?

Я промолчала. Потому что не знала, какой ответ от меня ожидается. Конечно, можно было. Можно было также не забывать зонт, не опаздывать на автобус, не ходить с Соней в торговый центр и вообще заранее предусмотреть абсолютно все обстоятельства собственной жизни.

Возможно, именно такой человек когда-нибудь и станет по-настоящему взрослым. Я пока не умела. Мама ушла на кухню.

Я сняла ботинки. Они неприятно хлюпнули. Пальцы ног почти не чувствовали тепла. И только когда я потянулась к шарфу, вспомнила о Матвее.

Точнее, я не забывала о нём ни на секунду. Просто до этого момента воспоминание существовало где-то на заднем плане сознания, как мелодия, которая продолжает играть даже после того, как выключили музыку.

Я развязала узел. Ткань сохранила слабый запах его парфюма. Мне стало смешно от собственной реакции. Я стояла посреди прихожей и улыбалась чужому шарфу. Совершенно как героиня плохого любовного романа. Я таких героинь всегда презирала. Они влюблялись слишком быстро, теряли способность мыслить здраво, придавали значение случайным взглядам и разговорам.

Теперь я неожиданно обнаружила, что между мной и ними гораздо меньше различий, чем хотелось бы.

— Это что у тебя? — спросила мама из кухни.

Я вздрогнула.

— Шарф.

— Вижу. Чей?

Мне почему-то не захотелось рассказывать. Не потому, что знакомство было чем-то постыдным. Просто оно казалось слишком хрупким. Настолько маленьким и неопределённым, что одно чужое замечание могло разрушить его раньше, чем я сама успею понять, что произошло.

— Сонин, — соврала я.

Это была первая ложь, связанная с Матвеем. Совершенно незначительная. И всё же много лет спустя я иногда вспоминала её. Наверное, потому, что тогда мне ещё казалось возможным хранить человека в тайне от остального мира. Как будто если никому не рассказывать о нём, он будет принадлежать исключительно моим воспоминаниям.

Я ушла в комнату. Переоделась. Поставила телефон на зарядку. Потом села на кровать и положила шарф рядом. Некоторое время просто смотрела на него.

Мне хотелось написать Матвею. Спросить, добрался ли он домой. Поблагодарить за помощь. Придумать какой-нибудь совершенно естественный повод продолжить разговор.

Но у меня не было его номера. Я взяла телефон. Открыла социальную сеть. Ввела в поиск имя.

Матвей.

Результатов оказалось несколько тысяч. Я добавила город. Потом возраст. Потом попыталась найти университетский паблик с архитектурными проектами. Спустя сорок минут у меня болели глаза, а список незнакомых мужчин по имени Матвей казался бесконечным.

Я чувствовала себя глупо. Даже немного жалко. Ведь он мог просто дать мне свой шарф из вежливости. Мог назвать красивой, потому что хотел сделать приятное. Мог забыть обо мне уже через пять минут после того, как автобус уехал. А я сидела на кровати и пыталась найти его среди тысяч людей, словно судьба совершила серьёзную административную ошибку и теперь именно мне предстояло её исправить.

В конце концов я выключила телефон. Легла. Положила шарф на соседнюю подушку. Потом испугалась собственной сентиментальности и убрала его на спинку стула.

Через несколько минут снова взяла. Сложила аккуратно. Положила в шкаф. И только после этого смогла заснуть.

На следующий день я рассказала обо всём Соне. Разумеется, не собиралась.

Мы сидели в университетской столовой, ели совершенно безвкусные макароны и обсуждали предстоящий зачёт. Потом она спросила, добралась ли я вчера домой. Я ответила, что да.

И совершенно неожиданно добавила:

— Там парень был.

Соня подняла голову.

У неё вообще имелась удивительная способность мгновенно переключать внимание с любой темы на потенциально романтическую.

— Какой парень?

— Обычный.

— Алиса.

— Что?

— Какой парень?

Я рассказала. Не всё. Не про запах шарфа. Не про то, как искала его ночью. И уж точно не про внезапное желание снова оказаться под тем самым козырьком, даже если ради этого пришлось бы промокнуть до нитки. Просто объяснила, что познакомилась с парнем на остановке. Что он дал мне шарф. Что мы поговорили.

Соня слушала с таким выражением лица, будто я пересказывала ей содержание захватывающего сериала.

— И что дальше?

— Ничего.

— В смысле ничего?

— В прямом. Я уехала.

— Номер взяла?

— Нет.

Она медленно положила вилку.

— Алиса.

Мне стало смешно.

— Что?

— Ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно.

— Он дал тебе шарф?

— Да.

— Сказал, что ты красивая?

— Ну…

— И ты даже номер не взяла?

— Соня, я опаздывала на автобус.

Она посмотрела на меня с таким искренним разочарованием, что мне пришлось отвернуться, чтобы не рассмеяться.

— Ты неисправима.

— Спасибо.

— А шарф?

— Что шарф?

— Он у тебя?

Я кивнула. Соня задумалась. Потом медленно улыбнулась.

— Значит, есть повод встретиться.

Я хотела возразить. Сказать, что люди не обязаны встречаться только потому, что один одолжил другому часть гардероба. Но слова почему-то не находились.

Ведь я сама думала об этом с самого утра. О возможности вернуть шарф. О том, что, возможно, Матвей тоже помнит вчерашний разговор. О том, что мы можем случайно встретиться снова.

Соня внимательно посмотрела на меня.

— Тебе он понравился.

Я опустила глаза к тарелке.

— Не знаю.

— Понравился.

— Я его вообще не знаю.

— Это не ответ.

Я вздохнула. И неожиданно призналась:

— Мне было с ним хорошо.

Соня перестала улыбаться. Всего на секунду. Наверное, потому, что услышала в моём голосе что-то непривычное. Я редко говорила о людях подобным образом. Могла назвать парня симпатичным. Умным. Интересным. Но «хорошо» было для меня совершенно другой категорией.

В этом слове заключалось нечто большее, чем привлекательность. Оно означало отсутствие необходимости притворяться. Возможность не подбирать правильные ответы. Не переживать, что окажешься недостаточно смешной, красивой или удобной.

Я не умела объяснять это даже самой себе. Поэтому просто пожала плечами.

— Наверное, да. Понравился.

Соня улыбнулась. И впервые за всё утро не стала шутить.

— Тогда надеюсь, вы ещё встретитесь.

Я тоже надеялась.

Хотя тогда ещё не знала, насколько опасным иногда бывает исполнение самых невинных желаний.

В пятницу я снова поехала той же дорогой. Это не было запланировано. По крайней мере, именно так я объясняла себе собственное поведение. Мне действительно нужно было зайти в книжный магазин неподалёку. Требовалось купить учебное пособие, которое можно было заказать через интернет или найти в университетской библиотеке. Но книжный магазин находился как раз возле той самой остановки. И я решила, что нет ничего странного в том, чтобы совместить полезное с приятным.

Хотя никакого приятного мне, разумеется, никто не обещал.

Я приехала около шести. Купила книгу. Провела ещё двадцать минут между полками, совершенно не воспринимая названия.

Потом вышла на улицу. Дождя не было. Небо оставалось пасмурным, но ветер стих, и в воздухе чувствовался тот особенный холод, который появляется перед первыми настоящими заморозками. Я подошла к остановке. Под козырьком стояли пожилая женщина с хозяйственной сумкой и школьник в огромных наушниках.

Матвея не было.

Разумеется.

Почему он вообще должен был здесь оказаться?

Мы встретились случайно.

Это была остановка. Люди приходили сюда, чтобы уехать, а не чтобы участвовать в чьей-нибудь романтической истории.

Я посмотрела на часы. Постояла несколько минут. Потом ещё немного. Школьник уехал. Пожилая женщина тоже. Я осталась одна. Чувствуя себя всё более нелепо, я наконец решила, что пора домой. Сделала шаг к дороге.

И услышала:

— А я думал, ты украла мой шарф.

Сердце совершило совершенно неприличное движение. Будто внезапно споткнулось. Я обернулась настолько резко, что волосы ударили меня по щеке. Матвей стоял возле цветочного магазина.

На нём была та же тёмная куртка, джинсы и светлый свитер. В руках он держал бумажный пакет. И улыбался.

Я застыла. Несколько секунд просто смотрела на него, пытаясь убедить себя, что он действительно существует. Потом вспомнила, что людям обычно полагается отвечать на обращения.

— Я… вообще-то собиралась вернуть.

— Правда?

— Да.

— Прямо сегодня?

Я почувствовала, как щёки начинают гореть.

— Возможно.

Матвей посмотрел на мою шею. Шарфа там не было.

— Но решила не брать его с собой?

Я закрыла глаза. На секунду. Только на одну. Потому что именно в этот момент поняла, насколько ужасно выгляжу со стороны. Я приехала на остановку, надеясь встретить парня. При этом даже не взяла вещь, которая могла стать поводом для встречи.

Он наверняка считал меня идиоткой. Или очень странным человеком.

Возможно, обоими сразу.

— Ладно, — сказала я. — Ты меня поймал.

Матвей чуть склонил голову.

— На чём?

— На том, что я не собиралась возвращать шарф сегодня.

Он улыбнулся.

— Понятно.

Я выдохнула.

— Я просто была рядом.

— Я тоже.

Мы посмотрели друг на друга. И вдруг стало совершенно очевидно, что оба говорим не всю правду. Это ощущение оказалось таким неожиданным, что я растерялась.

Матвей первым отвёл глаза.

— Слушай, а ты не торопишься?

Я почувствовала, как внутри всё напряглось.

— Не особенно.

— Тогда, может, выпьем кофе?

Я хотела ответить сразу. Слишком сильно хотела. Поэтому заставила себя немного помолчать, будто действительно обдумывала предложение.

— А твой автобус?

Матвей посмотрел на дорогу.

— Думаю, сегодня он справится без меня.

Мы пошли в небольшую кофейню за углом. Она располагалась на первом этаже старого дома, между аптекой и магазином канцелярских товаров. Внутри пахло кофе, корицей и чем-то сладким. На подоконниках стояли книги, которые можно было читать, пока ждёшь заказ. Возле входа висело объявление о том, что заведение ищет бариста, а на стене кто-то мелом нарисовал кота с огромными усами.

Я сразу подумала, что это место понравилось бы Соне. Потом почему-то решила не рассказывать ей о нём. Хотелось оставить хотя бы одну вещь исключительно нашей. Хотя никакого «нас» ещё не существовало.

Матвей заказал зелёный чай. Я — капучино. Когда бариста назвала сумму, он потянулся за картой.

— Я сама, — сказала я.

— Я пригласил.

— И что?

Он посмотрел на меня с лёгким удивлением.

— Ничего.

Я расплатилась за свой кофе. Матвей не стал спорить. И мне это понравилось. Наверное, гораздо сильнее, чем понравилось бы, если бы он начал настаивать.

Мы сели возле окна. Я сняла куртку, поправила волосы и вдруг почувствовала себя ужасно неловко. На остановке разговаривать было просто. Там всё происходило случайно. Мы не выбирали друг друга. Не назначали встречу. Не пытались понравиться.

Теперь ситуация изменилась.

Мы сидели за маленьким столом друг напротив друга, и между нами возникла странная необходимость как-то объяснить происходящее.

Матвей положил телефон экраном вниз. Потом отодвинул стаканчик с чаем. Посмотрел на меня.

— Как прошёл день?

Обычный вопрос. Совершенно нормальный. Я почему-то растерялась.

— Хорошо.

— Это радует.

— А у тебя?

— Тоже.

Мы замолчали.

Где-то за стойкой громко заработала кофемолка.

Я смотрела на свой капучино и думала, что всё испортила.

Конечно.

Стоило только превратить случайную встречу в нечто похожее на свидание — и вся лёгкость исчезла.

Я не умела вести себя на свиданиях. Не знала, куда деть руки, сколько можно смотреть человеку в глаза, следует ли задавать вопросы или лучше ждать, пока он сам начнёт говорить. В голове возникали какие-то совершенно бессмысленные правила. Не смейся слишком громко. Не рассказывай слишком много. Не показывай, что он тебе нравится.

Я настолько увлеклась этим внутренним инструктажем, что едва услышала вопрос Матвея.

— Алиса?

— Что?

Он улыбнулся.

— Ты сейчас очень напряжённо думаешь.

Я опустила глаза.

— Заметно?

— Немного.

Мне захотелось провалиться сквозь пол.

Матвей помолчал. Потом сказал:

— Я тоже волнуюсь.

Я подняла голову.

— Правда?

— Да.

— Не похоже.

Он коротко рассмеялся.

— Это потому, что у меня хорошо получается делать вид.

И неожиданно мне стало легче. Я посмотрела на него. На его немного растрёпанные волосы. На длинные пальцы, обхватившие бумажный стаканчик. На тёмные глаза, в которых не было ни насмешки, ни нетерпения. И впервые подумала, что, возможно, он сейчас чувствует себя точно так же. Что для него эта встреча тоже имеет значение. Что он тоже не знает, каким должен быть следующий вопрос.

Эта мысль почему-то успокоила меня сильнее всего.

— Тогда давай договоримся, — сказала я.

— О чём?

— Что мы не будем пытаться казаться интереснее, чем есть.

Матвей задумался.

— То есть я могу рассказать тебе про лестницы?

Я улыбнулась.

— Если очень хочется.

— Замечательно. Тогда начнём с того, почему большинство людей совершенно неправильно представляет себе ширину лестничных маршей.

Я рассмеялась так громко, что девушка за соседним столиком обернулась. И именно после этого всё снова стало простым. Мы просидели в кофейне почти три часа. Говорили о книгах. О музыке. О преподавателях. О местах, в которых хотели бы побывать. Матвей рассказывал, что мечтает однажды увидеть Прагу зимой. Ему нравились старые европейские города, узкие улицы и дома, которые пережили несколько поколений своих владельцев. Я призналась, что хочу увидеть море зимой.

Он удивился.

— Почему именно зимой?

Я задумалась.

Никогда раньше не пыталась объяснить это желание.

— Наверное, потому что летом море всем нравится. Оно тёплое, красивое, удобное. А зимой к нему приезжают только те, кому оно действительно нужно.

Матвей долго смотрел на меня. Я смутилась.

— Глупость какая-то.

— Нет.

Он покачал головой.

— Мне нравится.

Я опустила взгляд.

И вдруг почувствовала, как внутри появляется что-то тёплое. Не от кофе. И даже не от его улыбки. От того, что он не попытался превратить мои слова в шутку. Не стал объяснять, почему зимой у моря холодно и неуютно. Не спросил, зачем вообще ехать куда-нибудь в неподходящее время года. Просто принял моё желание таким, каким оно было.

Существуют люди, которым достаточно рассказать о своей мечте, чтобы она сразу показалась глупой. Они не обязательно пытаются тебя обидеть. Иногда просто задают слишком много практических вопросов.

Сколько это стоит?

Зачем тебе это нужно?

А что ты будешь там делать?

И постепенно желание, которое ещё минуту назад казалось прекрасным, превращается в нечто неоправданное, детское, почти стыдное.

Матвей не задавал таких вопросов.

Он спросил только:

— А какое море?

— Любое.

— Даже Балтийское?

— Даже Балтийское.

Он улыбнулся.

— Тогда однажды тебе стоит поехать в Калининград.

Я кивнула.

Не зная, что через несколько лет это название станет для меня болезненным. Не зная, что однажды мы действительно будем стоять на берегу зимнего моря. И что тогда я впервые испугаюсь, насколько сильно можно любить другого человека.

Но в тот вечер будущее ещё было совершенно пустым. И потому казалось бесконечным.

Когда мы вышли из кофейни, на улице уже стемнело. Фонари отражались в мокром асфальте. Воздух пах дождём и автомобильными выхлопами. Матвей шёл рядом, засунув руки в карманы куртки. Я держала в руках телефон.

На экране было три пропущенных звонка от мамы. И несколько сообщений от Сони. Я быстро написала, что скоро буду дома. Потом убрала телефон.

— Тебя проводят? — спросил Матвей.

Я посмотрела на него.

— А тебе в какую сторону?

— В другую.

— Тогда не надо.

— Мне несложно.

Я хотела возразить. По привычке. Потому что всегда чувствовала необходимость заранее избавлять окружающих от неудобств, даже если они сами предлагали помощь. Но Матвей смотрел на меня совершенно спокойно.

Без ожидания благодарности. Без настойчивости. И я вдруг поняла, что могу просто согласиться.

— Хорошо.

Он улыбнулся. Мы пошли к остановке. Теперь мне казалось странным, что всего несколько дней назад это место вызывало у меня исключительно раздражение.

Тот же асфальт. Тот же закрытый цветочный магазин. Та же металлическая скамейка, покрытая каплями дождя. Но всё выглядело иначе. Как будто кто-то незаметно изменил освещение в декорациях знакомого спектакля.

Матвей остановился возле расписания.

— Кстати, — сказал он, — я хотел спросить.

— Что?

Он достал телефон. Повернул экран ко мне.

— Можно твой номер?

Я улыбнулась. Наверное, слишком широко. Но уже не пыталась скрывать радость.

— Можно.

Я продиктовала цифры. Матвей записал. Потом нажал кнопку вызова. Мой телефон завибрировал. На экране появился незнакомый номер.

— Теперь у тебя тоже есть мой, — сказал он.

— Очень предусмотрительно.

— Я учусь на ошибках.

— Каких?

Он посмотрел на меня.

— Например, не стоит два часа разговаривать с девушкой, а потом отпускать её, даже не узнав, как с ней связаться.

Я почувствовала знакомое тепло в щеках. Но на этот раз не отвернулась.

— Значит, ты тоже пытался меня найти?

Матвей замолчал. Совсем ненадолго. Потом улыбнулся.

— Возможно.

Я рассмеялась.

— Это не ответ.

— А какой тебе нужен?

Я посмотрела на него. И вдруг поняла, что не хочу играть в эту игру. Не хочу делать вид, что мне всё равно. Не хочу притворяться холодной, загадочной, недоступной.

Мне было девятнадцать.

Передо мной стоял красивый парень, с которым я провела прекрасный вечер. Он мне нравился. И в этом не было ничего постыдного.

— Честный, — сказала я.

Матвей посмотрел на свои руки. Потом снова на меня.

— Да. Пытался.

У меня перехватило дыхание.

— Как?

— Искал тебя в интернете.

Я закрыла лицо ладонью. Он рассмеялся.

— Что?

— Ничего.

— Алиса.

Я покачала головой.

— Просто я тоже.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Потом начали смеяться. Совершенно нелепо. С облегчением. Будто наконец признались в какой-то ужасной тайне, которая на самом деле оказалась совершенно безобидной. Мне нравилось это чувство. Нравилось, что наши желания совпали. Что я не придумала его интерес. Что он действительно захотел увидеть меня снова.

И впервые за долгое время мне не хотелось просчитывать, что произойдёт дальше. Автобус пришёл почти сразу. Я даже немного расстроилась.

Матвей заметил это.

— Сегодня транспорт решил исправиться.

— Очень несвоевременно.

Он улыбнулся.

— Согласен.

Я сделала шаг к открытым дверям. Потом остановилась.

— Матвей.

— Да?

— Спасибо за чай.

— Ты сама заплатила за кофе.

— Я знаю.

Он чуть нахмурился. Я улыбнулась.

— Я не про напиток.

Матвей посмотрел на меня. И на его лице появилось выражение, которое я потом научусь узнавать даже в темноте. Он хотел сказать что-то важное. Но не был уверен, имеет ли право. Вместо этого просто улыбнулся.

— Тогда пожалуйста.

Я поднялась в автобус. На этот раз он не уехал из моей жизни вместе с остановкой. Через несколько секунд телефон завибрировал.

Незнакомый номер. Сообщение.

«Ты забыла вернуть шарф».

Я посмотрела на экран. Потом на Матвея, который всё ещё стоял на тротуаре. Он поднял руку. Я рассмеялась.

И написала:

«Какой ужас. Придётся встретиться ещё раз».

Ответ пришёл почти мгновенно.

«Боюсь, другого выхода нет».

Я прижала телефон к груди. Совершенно по-детски. Так, как делала бы героиня тех самых любовных романов, над которыми я привыкла посмеиваться. И вдруг поняла, что больше не хочу над ними смеяться. Потому что в тот момент мне казалось, будто со мной происходит что-то невероятное. Что-то очень простое. И совершенно невозможное одновременно.

Я встретила человека. Он встретил меня. Нам понравилось быть рядом. И мы оба захотели повторить.

Никаких сложных обстоятельств. Никаких трагедий. Никакой необходимости бороться за право любить. Только два человека, которые случайно оказались на одной остановке в один дождливый вечер. Мне казалось, что именно так и должна начинаться настоящая любовь.

Не с громких обещаний. Не с внезапного признания. А с желания увидеть кого-то снова.

В ту ночь я почти не спала. Мы переписывались до двух часов. Сначала обсуждали кофейню. Потом книги. Потом Матвей прислал фотографию своего рабочего стола, заваленного чертежами. Я отправила снимок раскрытого романа, который пыталась читать перед сном. Он спросил, о чём книга. Я начала объяснять. Получилось длинно. Настолько длинно, что через несколько сообщений стало стыдно.

Я написала:

«Извини, я слишком много рассказываю».

Матвей ответил:

«Мне нравится».

Всего два слова. Никаких сердечек. Никаких признаний. Даже смайлика. Но я перечитала их раз пять. Потом ещё несколько раз. Я не знала, почему они так сильно на меня подействовали. Наверное, потому, что большую часть жизни привыкла считать собственную увлечённость чем-то, что нужно тщательно контролировать.

Не рассказывай слишком подробно. Не задавай слишком много вопросов. Не навязывайся. Не будь неудобной.

И вдруг появился человек, который не просто терпел мои бесконечные рассуждения о книгах. Ему нравилось. Это было настолько непривычно, что я почти не верила.

Около половины второго Матвей спросил, не нужно ли мне спать. Я ответила, что нужно.

Он написал:

«Тогда спокойной ночи, Алиса».

Я пожелала ему того же. Положила телефон на тумбочку. Выключила свет. Лежала в темноте, глядя в потолок. Через несколько минут экран снова загорелся.

«И спасибо, что сегодня пришла».

Я улыбнулась. Села на кровати.

Набрала:

«Я вообще-то за книгой приезжала».

Он ответил:

«Конечно».

Потом прислал ещё одно сообщение.

«А я совершенно случайно оказался возле остановки в то же время, что и в прошлый раз».

Я рассмеялась в темноте. И впервые подумала, что, возможно, эта история действительно куда-нибудь приведёт.

Утром я проснулась раньше будильника. За окном было светло. Мама гремела посудой на кухне. Где-то во дворе лаяла собака. Всё выглядело привычно. Но внутри меня словно появилось новое пространство.

Небольшое. Тёплое. Наполненное ожиданием. Я потянулась к телефону. На экране уже было сообщение.

«Доброе утро. Надеюсь, твой автобус сегодня ведёт себя прилично».

Я улыбнулась. Написала ответ. Потом открыла шкаф. На верхней полке лежал тёмно-синий шарф. Я достала его. Развернула. Провела пальцами по неровной строчке возле края.

Оказалось, что ткань действительно немного колется. Я приложила её к щеке. И совершенно неожиданно поняла, что не хочу возвращать шарф слишком быстро. Мне нравилось, что у меня есть что-то его. Что-то настоящее.

Не фотография.

Не сообщение.

Не воспоминание о голосе.

А вещь, которая ещё совсем недавно согревала его шею. Мне нравилось ощущение, будто между нами уже существует какая-то маленькая связь, о которой никто больше не знает. Я аккуратно сложила шарф. Положила обратно. И на секунду представила, что однажды у меня появится возможность просыпаться рядом с этим человеком.

Видеть его сонным. Слышать, как он ходит по квартире. Спорить о завтраке. Ругаться из-за немытой посуды. Знать, что вечером он обязательно вернётся домой. Это была настолько смелая фантазия, что я сама испугалась.

Мы виделись всего дважды. Дважды. Я почти ничего о нём не знала. Не знала, какая у него семья. Чего он боится. Как ведёт себя, когда злится. Умеет ли просить прощения. Легко ли признаёт ошибки. Каким становится, когда чувствует себя несчастным. Я не знала, что он делает, если обещание начинает казаться слишком тяжёлым. И совершенно не представляла, насколько сильно однажды буду нуждаться в ответах на эти вопросы.

Тогда всё было проще. Я знала только, что он любит зелёный чай. Учится на архитектора. Мечтает строить дома, в которые людям захочется возвращаться. И почему-то считает меня красивой. Мне казалось, что для начала этого достаточно.

Возможно, я даже была права. Потому что любовь редко начинается с полного понимания другого человека. Чаще — с желания узнать. С интереса к тому, как он живёт. Что ест на завтрак. Какие песни слушает, когда ему грустно. О чём мечтает. Что заставляет его смеяться. И как звучит твоё имя, когда произносит именно он.

Я ещё не любила Матвея.

По крайней мере, тогда я так думала.

Но уже начинала замечать, как мир постепенно меняет форму вокруг его присутствия. Дни делились на те, когда мы могли увидеться, и те, когда не могли. Телефон перестал быть просто устройством. Сообщения начали значить больше, чем должны были. А совершенно обыкновенный тёмно-синий шарф превратился в самую дорогую вещь моего гардероба.

Я стояла возле шкафа и улыбалась.

Девятнадцатилетняя.

Глупая.

Счастливая.

Мне казалось, что впереди у меня бесконечно много времени.

И если однажды Матвей действительно станет частью моей жизни, я обязательно сумею сохранить всё то прекрасное, что только начинало между нами появляться. Я буду внимательной. Терпеливой. Хорошей. Буду любить его правильно. Тогда я ещё верила, что существует какой-то особенный, безошибочный способ любить человека, при котором он никогда не захочет уйти.

И если очень постараться, можно обязательно его найти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.